

А что делать? Жили!

Мне было 5 лет, когда осенью 1931 года в наш дом в селе Никольское Алтайского края зашли военные, громко и сердито заговорили с бабушкой, напугав меня и моего младшего брата Васю, прежняя жизнь в нашей семье оборвалась и пошла по новому неведомому руслу. Отец, Прокопий Петрович, мать Наталья Федоровна были лишены не только избирательных прав, но и выселены с двумя детьми, родителями, родственниками из большого пятистенного дома с конфискацией всего имущества на улицу почти раздетыми и без продуктов. На зиму нас приютили соседи. С этой поры голод стал сопровождать проживавшую прежде безбедно семью не один год.

Первая остановка после долгого пути на барже на острове неподалеку от села с интересным названием Парабель. Через несколько дней переселенцев повезли в неводниках (большие самодельные лодки) в сторону Старицы. Еще остановка. Дальше путь лежал по тайге. Большое Широково. Так называлось это место где нам предстояло жить.

Все переселенцы держались рядышком, так как никогда не видели тайги и терялись, как говорят, в трех соснах. Огромные в два обхвата разлапистые кедры, уходящие острыми макушками вверх пихты и ели, белоствольные березы и непроходимый кустарник, встретили нас грозно и хмуро.

Несусветный гнус не давал отходить от костров. Но комендант не давал опомниться, гнал на работу: надо было готовиться к зиме: корчевать лес, рыть землянки, утеплять балаганы, запастись дровами, каким-то провиантом. И это, не имея в достатке ни топоров, ни лопат, ни пил.

А главное мучил голод. Все небольшие запасы были съедены еще в дороге. Зима первый год показалась особенно лютой. Мороз трещал по деревьям, дымкой заволакивало утонувшее, вросшее в землю в сугробах поселение. В короткие зимние дни редко когда пробивались сквозь лес солнечные лучики. Кругом безлюдье. Только в 40 километрах в Черноушке также бедствовали сосланные буряты. Да еще появилось несколько деревень с переселенцами.

Я вместе с братцем и бабушкой на улицу почти не выходила. Родители целыми днями пропадали на раскорчевке. В землянке была печурка, топчан да крест-накрест сколоченный стол. Как зиму пережили, плохо помню. Только ранней весной наткнулась неподалеку от деревни на гору трупов, завернутых в какие-то лохмотья или почти нагих. Взрослые, как только немного подтаяло, выкопали для них большую яму. Так и похоронили.

Все больше проявлялись проталины, начала пробиваться первая зелень, запели птицы. Ребятишки покинули свои зимние убежища. Семье, как и другим, отвели делянку леса, велели раскорчевывать и строить себе жильё, сажать огород. Все это после основной работы на лесоповале и раскорчевки полей для посева зерновых, прокладки лежневок.. Люди объединялись сначала в кустпром. (Это что-то вроде артели), а потом, когда были подготовлены поля, образовали колхоз. Из района власти завезли зерно, картофель, льняное семя, скот, лошадей.

Как радовалась мы, ребятня, когда появились в деревне собаки, кошки. Кто-то из заезжих привез. Первого петуха слушали всей деревней. Все это было такое родное, так напоминало прежнюю жизнь, вселяло надежду на то, что все образуется. Первый урожай зерновых радовал. Да и понятно. На свежих землях, все росло, как на пару. Истосковавшиеся по работе крестьянские руки тянулись в поле, к топору.

Но не успели обжиться, как грянула война. Я вместе с ребятами постарше тоже спешила на колхозное поле, чтобы полоть сорняки в зерновых. Особенно среди пшеницы их было множество! Сейчас такой травы, пожалуй, не найдешь - жабрей. Руки исполосывали в кровь. Сам, как осока острая, да еще и с колючками. Что-то между повиликой и осотом.

Урожай осенью жали серпами, снопы обмолачивали цепями. Появилась и рушилка: между двумя плоскими камнями засыпалось зерно и крутилось вручную. Получалось что-то между крупой и мукой. В доме стояла глинобитная русская печь. Помню, как ее делали. Ставился большой деревянный короб. В нем выгораживалось место- под - для выпечки хлеба, пирогов и калачей, томления паренок из репы, моркови, свеклы, брюквы, выкладывался дымоход и еще несколько выступов с внешней стороны, соединенных с дымоходом. Все остальное пространство заполнялось глиной, прессовалось, сушилось, затиралось.

Русская печка была заветным местом для детворы. Всегда горячая, она спасала в зимнюю стужу от простуды ребятню, задубевшую от катания на лотках, игру в русских и немцев. Сюда же бабушка подавала прямо из печи горячие калачики и плюшки, изобретенные Бог весть из чего.. Именно здесь они казались самыми вкусными. А сколько страшных историй было рассказано шепотом в темноте за занавеской, отделявшей нас от всего мира длинными зимними вечерами.

Для освещения дома лучину жгли. Копоти было! Потом выступы в печке использовали для этой же цели. Маша любила смотреть, как горят специальные небольшие чурочки, поставленные в эти выемки в печи, разбрасывая по дому таинственные блики. Мне казалось, что дом заселен какими-то невиданными чудищами, которые были добрые и не причиняли никакого зла.

Позднее стали привозить керосин. В маленькую лампадку вставлялся фитилек, поджигался и освещал дом колеблющимся мерцающим светом. Потом и керосиновые лампы со стеклом появились. Мне вменялось в обязанность чистить их от копоти к каждому вечеру. И избави Бог развить это стекло!

Я была старшей из детей. Брат на два года младше, так за мной хвостиком и ходил! Сестра Татьяна родилась, потом Галина, и забот у меня прибавилось.

А тут стали в школу ребят собирать. Правда, первый год учились у кого-то в доме. И дети были разновозрастные - грамотных-то почти не было. В учителя назначили Перова Якова Федоровича-председателя колхоза. У него церковно-приходская школа за плечами была.

Как меня в школу собирали, вспомнить забавно. У мамы пальтишко старое было, с собой с родины еще привезла. Вот в нем я и ходила. Рукава засучат, подпоясает потуже, сверху голову какой-то шаленкой обмотают, и бегу на уроки. Да и другие не лучше выглядели. Еще и вшей было столько, что на голове порой волос шевелился. Кого налысо обстригали, одежду в китяток с зольной водой кидали, чтоб хоть как-то от них избавиться.. Мыла-то не было. Тиф кругом косил людей. Вот и уберегались, как могли. Бани общей ещё не было.. Кое-кто успел свою сгношить, но топили по-черному- трубы не было. Зимой дома в лоханке (деревянное большое корыто) мылись.

Как хотелось учиться! На второй год пришлось зиму дома пересидеть. Обувка с братом одна на двоих была. С осени пробовали так. Кто-нибудь из мальчиков отведет Васятку до школы, мне несет обувь. А вечером наоборот. Долго так не продержались. Отец с мамой решили, что зиму я дома побуду, к следующему учебному году что-нибудь справят, и продолжу учиться.

Стол в классной комнате были сколочены из досок. Из свеклы сок выжимали- это были чернила. С березки тонкие- тонкие берестинки сдирали, делали что-то наподобие тетради - на них учились писать. «Мама, Родина. Победа!», Учитель на доске угольком старательно выводил буквы, учил складывать цифры. На весь класс одна книжка была.

Конец войны встретили с радостью, хотя многие из земляков не вернулись. Нам настрадавшимся, вечно голодным очень верилось, что теперь все будет хорошо. Так верили, что строим светлое будущее, где вдоволь будет и еды и одежды.

Запись и комментарий Н. Голощаповой

« Жизнь прожита, - говорит Мария Прокопьевна, - а это все как вчера случилось и без слез и содрогания не могу вспоминать». Слушаю Марию Прокопьевну Живоделову, гляжу в ее

добрые наполненные светом глаза и понимаю, что испытание, данное судьбой, таких людей как она поднимает, пробуждает к доброму и светлому, и они не только сами живут достойно, но и дают силы тем, кто рядом.